

А.А. Тихомиров

«ЛУЧШИЙ ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»: ОБРАЗ СТАЛИНА В ГДР

5 марта 1953 умер Сталин. В траурной телеграмме политбюро СЕПГ, направленной в ЦК ВКП(б), сообщалось: «Известие о том, что сердце борца и гениального последователя дела Ленина, нашего мудрого учителя и отца, перестало биться, наполняет всех товарищей, всех немецких друзей мира и демократии большим трауром. В лице Иосифа Виссарионовича Сталина ушел великий теоретик марксизма-ленинизма, мудрый вождь трудящихся в борьбе за социализм, гениальный полководец Великой Отечественной войны советского народа, выдающийся борец за укрепление мира во всем мире. Великое дело И.В. Сталина будет сотни лет оказывать влияние на ход исторических событий» [1]. По тексту телеграммы прослеживается, что фигура Сталина в трех архетипичных ролях «мудрого учителя», «любимого отца» и «спасителя» от несчастий являлась воплощением сакральности и святости в семантической структуре ГДР. Не только для власти, но и для большей части населения ГДР персона лидера Советского Союза символизировала оплот строительства и развития социализма как альтернативы развитию по западному капиталистическому пути [2], гарант мира и воплощение «светлого будущего», в которое хотело верить и к которому всеми силами стремилось отягощенное чувством вины за развязывание Второй мировой войны немецкое население. Почитание «вождя мирового пролетариата» являлось исходной позицией для старта в социалистический «рай».

Цель настоящей статьи заключается в анализе основных механизмов коммуникативных практик между властью и обществом, инициированных внедрением в официальную и повседневную жизнь образа Сталина. Результатом данной цепочки интеракций и явился образ «вождя». Чтобы понять специфику феномена

Сталина в ГДР, представляется необходимым найти ответы на следующие ключевые вопросы. Почему Сталин так быстро снискал доверие населения? Спектром каких посланий «заряжалась» фигура Сталина со стороны власти и пропагандистского аппарата? Системой каких значений интерпретировалась его персона в многоликом обществе «новой Германии»?

История пропаганды как часть культурной истории

Согласно концепции СЕПГ, политическая пропаганда являлась центральным средством реализации власти в ГДР. Она была призвана сконструировать систему диспозиций, ценностных ориентиров, норм, представлений, смыслов в соответствии с социалистической системой координат. Пропаганда формировала «монолитную» общественность и «единое» общественное мнение. Данное обстоятельство свидетельствовало о совпадении индивидуальных интересов с общими интересами социалистического общества. Консенсус между властью и народом обеспечивался за счет *кампаний*, активизировавших и мобилизовавших массы на достижение целей партии и направленных на воспитание «социалистического сознания» [3]. Аксиома единства власти и народа легла в основу исследований пропаганды «эпохи строительства реального социализма».

В настоящее время история пропаганды все чаще рассматривается как часть новой культурной истории [4]. Отметим основные характеристики современной истории пропаганды относительно интересующей нас проблематики. Во-первых, общество ГДР предстает как организованный *семантический порядок*, в основе которого находилась сложная «паутина значений». Каждый текст, картина, предмет, действие могут быть рассмотрены как носители значений и

трансляторы смыслов. Пропаганда выступает в данном случае государственным институтом поиска и формирования взаимоприемлемых как для власти, так и для общества ценностей, символов и значений, призванных посредством кампаний обеспечить общность интересов и поддержку масс в деле строительства «нового государства». Во-вторых, аппарат пропаганды ГДР создавал диапазон *посланий*, призывавших население к реализации в жизнь государственных идеалов и программ. Фигура Сталина предстает в данном контексте как символ, транслирующий посредством дискурсов, визуальных средств и ритуалов социалистическую картину мира и новую систему ценностей. В-третьих, внимание исследователя концентрируется на *адресатах* образа Сталина. Посредством участия в массовых ритуалах, вовлечения в дискурсы адресаты предстают как активно действующие субъекты.

Таким образом, задача исследования образа Сталина в ГДР означает для историка обращение к проблеме функционирования процесса коммуникации между сферой посланий (партией и аппаратом пропаганды) и адресатами (различными социальными группами и индивидами) [5].

Сталин как персона доверия в коммуникации власти с обществом

Принцип доверия лежал в основе коммуникации между властью и обществом в ГДР. Не все жители Восточной Германии рассматривали «новую родину» в качестве «оазиса для выживания» в мире хаоса. И все же созданное при поддержке СССР государство, правительство, институты и структуры власти страдали от недостатка поддержки населения. Это могло привести к острым конфликтам власти и народа в случае кризисного развития подобной ситуации. Чтобы не допустить подобного развития сценария, правительство решило использовать традиционный прием персонификации политики за счет символических фигур пропаганды как средства, «передающего идеи марксизма-ленинизма доступно и с человеческим лицом» [6]. Сталин – одна

из центральных фигур пропаганды ГДР – должен был рекламировать посредством своего образа идею социализма, нести ее в массы и производить в силу своих харизматических характеристик *доверие* как власти к обществу и (что еще важнее) так и общества к власти.

Персона Сталина должна была прежде всего снискать доверие граждан. За счет риторики его образа как «друга», «помощника», «учителя», «покровителя» и «отца» это нетрудно было сделать. Только после подобной активации личного доверия каждого население могло поверить в образ Сталина как символ легитимной новой власти и инвестировать свое личное доверие «новой Германии». Только за счет доверия – «элексира жизни, собранного по каплям от большинства, идея социализма имела будущее» [7].

Разнообразные формы и способы коммуникации с персонами доверия должны были поддерживать каналы связи и тем самым укреплять доверие населения как к рекламным фигурам социализма, так и к режиму власти в целом. Одним из важных приемов стилизации Сталина к персоне доверия являлся принцип похожести, близости к народу. Согласно пропагандируемому образу, для Сталина характерна «глубокая человечность. В общении с людьми он никогда не выделяет звание и положение. Всегда остается по-товарищески настроенным, простым и скромным, внимательным и заботливым» [8]. Наряду с его человеческими характеристиками описываются и сверхчеловеческие качества, присущие только «великим личностям». «Он не знает компромиссов. Думает ясно и логично, охватывая самое существенное и важное. Его знания равны энциклопедии, постоянно пополняющейся за счет каждодневной созидательной работы. Его работоспособность безгранична. Усталость ему чужда. Неожиданные повороты истории не удивляют его» [9]. Готовность личного самоограничения и самопожертвования ради дела не могла не вызвать чувство уважения к персоне Сталина: «О своем здоровье он думает меньше всего. Ко всему, что касается его

лично, он очень не требователен. Тем больше заботится он о людях, которые с ним работают» [10]. Сочетание «человеческих черт», т.е. признаваемых большинством населения положительных характеристик личности, и экстраординарных, в чем-то сверхчеловеческих способностей, присущих только «избранным», презентовали Сталина в качестве персоны доверия и вдохновляли массы на подвиги во имя «великого вождя».

Притягательная сила харизмы личности вождя мирового пролетариата, позитивный имидж как моральной инстанции сделали его образцом для подражания. Сталин был представлен как инкарнация «нового человека» с новым сознанием, воплощение социалистического образа жизни и способа мышления. Приближение к далеким горизонтам «великого» должно было стать ориентиром каждого «смертного» человека. Образ Сталина символизировал преодоленное прошлое, гарант настоящего и залог успешного будущего. Доверяя персоне лидера СССР, население приобретало чувство уверенности и стабильности существования. Власть использовала декорации образа Сталина в политическом спектакле для легитимации собственного господства, для привлечения населения на свою сторону и мобилизации в целях партии. Таким образом, доверие обеспечивало взаимовыгодную коммуникацию власти и общества.

Образ Сталина как канал коммуникации от власти к народу

С помощью имени Сталина аппарат пропаганды пытался сформировать и донести до масс целый спектр посланий. Идея социализма, взятая на вооружение в восточной части Германии, была персонифицирована в лице Сталина и идентифицирована со всем советским народом. Приняв советский вариант развития, ГДР встала на «сторону мирно живущего населения, лагеря мира и согласия». Именно так именовали себя страны народной демократии. Миру «добра» во главе с руководителем СССР противопоставлялся лагерь «зла» – Запада во главе с США. Поэтому верность Сталину являлась при-

знаком деления на «своих» и «врагов». Для «своих» он являлся «великим гуманистом, братом и другом народов», транслировал чувство «уверенности в завтрашнем дне человечества» [11]. Что стояло за внезапно открытой дружбой с тем, кто еще короткое время назад вследствие национал-социалистической пропаганды являлся главным врагом с лицом лютого зверя [12]?

Стилизация Сталина под «лучшего друга немецкого народа» конструировалась в трех временных измерениях: в прошлом, настоящем и будущем. Архитекторы образа Сталина были призваны найти в истории Германии доказательства дружбы и доверия между Сталиным и немецким народом. В качестве аргументации использовался Рапалльский договор 1922 г. Пророческими в признании Сталина в качестве нового «фюрера» явились его слова от 23 февраля 1942 г.: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» [13]. В данном выражении коренилась надежда народа на будущее Германии как единого государства. Пропаганда констатировала, что Сталин с самого начала своей карьеры проявлял интерес к немецкому народу, к судьбе родины Маркса и Энгельса, проявлял тенденции к защите национальных интересов Германии.

Седьмое октября 1949 г. (дата основания ГДР) стало отправной точкой отсчета настоящего времени «нового немецкого государства». Историками доказано, что Сталин принимал непосредственное участие в создании Германской Демократической Республики и определении ее роли на рубежах социалистического лагеря [14]. Приветственная телеграмма Сталина от 13 октября 1949 г. президенту ГДР В. Пику и премьер-министру О. Гротеволу легитимировала основание нового государства и придавала ему особый символический вес за счет имени «вождя всех народов» [15]. Для социалистического содружества «поворотный пункт в истории Европы», так обозначил Сталин образование ГДР, заложил основы «форпоста и витрины социализма» для Запада. В этой же теле-

грамме обнаруживалась общность судеб и интересов германского и советского народов. Как сообщалось, оба народа стали жертвой фашизма и понесли большие потери. В связи с этим дружба между ними объявлялась «гарантом мира в Европе и способом избежать повторения роковых ошибок». Кроме этого, подчеркивалось «величайшее духовное наследство» в виде учения Маркса и Энгельса, получившего дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина. Лидер Советского Союза принимал на себя еще одну роль - «великого ученого, классика марксизма-ленинизма».

Основные германские инициативы Сталина совпадали с центральными ожиданиями и надеждами СЕПГ и немецкого народа, проецируемыми на личность вождя. В этом заключается одна из главных причин популярности образа Сталина в начальные годы существования ГДР. Ярким примером подобной инициативы является так называемая «Нота Сталина» от 10 марта 1952 г. Документ отражает базовые потребности «нового немецкого государства», а именно: заключение общегерманским правительством мирного договора со странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, политическая независимость и территориальное единство страны, создание собственных вооруженных сил. Бывшие служащие вермахта и члены фашистской партии должны были быть приравнены в правах к остальным гражданам [16]. Данные предложения могли исходить, согласно пропаганде, только от «настоящего друга немецкого народа, чье будущее беспокоит его сердце больше, чем какого-либо немецкого чиновника» [17]. Реализация национальных интересов немцев не мыслилась без поддержки Сталина.

Само основание ГДР было названо пропагандой «результатом освобождения» от фашистского прошлого с помощью советских друзей под руководством Сталина. «Из акта капитуляции было представлено спасение, из поражения – победа, из пленения – освобождение» [18]. «Миф освобождения» открывал путь «по широкой, светлой улице в сча-

стливое будущее». Начало нового этапа в немецкой истории, время интенсивного послевоенного строительства и восстановления, грядущая эпоха прогресса неразрывно были связаны с именем Сталина.

Однако абстрактных обещаний «светлого будущего» даже под гарантии Сталина было недостаточно на фоне экономического бума в Западной Германии. Для привлечения населения на стройки социализма требовались четко прописанные ориентиры и примеры, наглядно демонстрирующие желаемое будущее и мотивирующие к конкретным действиям. На уровне простого обывателя создавался некий идеальный стандарт социалистического образа жизни, включавший в себя прежде всего высокий потребительский уровень и обеспеченность жильем. Но воплотить стандарты было разрешено лишь замкнутой касте людей – героям социалистического труда, активистам, на практике доказавшим верность режиму. Мечты миллионов о своем доме, полных прилавках магазинов были воплощены лишь в небольшом «оазисе социализма» на улице им. Сталина в Берлине [19] и визуализировались для остальных граждан на страницах иллюстрированных журналов. Фотографии комплекса домов со всеми удобствами (центральное отопление, холодная и горячая вода, канализация) дополнялись видами уюта домашней обстановки, улыбающимися лицами детей на контрастном фоне развалин в Западном Берлине [20]. Широкий ассортимент магазинов с неоновой подсветкой и дружелюбными, обученными продавцами должен был удовлетворить потребности самого взыскательного покупателя: от бразильских сигар для взрослых до всевозможных сладостей для детей [21]. Новые школы, новые квартиры и дома, вновь отстроенные города предназначались для «новых людей» (т. е. носителей «правильного» социалистического сознания и верных режиму). Они наглядным примером должны были продемонстрировать реальность достижения социалистических стандартов и выступить мультипликаторами идей партии.

Они были «завербованы» рекламными фигурами социализма, мотивировали и мобилизовывали массы на великие стройки под знаменами Сталина [22].

Счастлирое будущее представлялось результатом веры в идеи Сталина, который, благодаря поддержке народа и партии, реализовал уже многое в Советском Союзе. Будущее презентовалось завтрашним днем, ради которого сегодня необходимо экономить, отказаться от практики безмерного потребительства и объединить все материальные, духовные и человеческие ресурсы.

Потребность в поддержании контакта выражалась в непрерывном присутствии имени и портретов вождя Сталина на всех массовых мероприятиях, инициированных партией. Он негласно присутствовал везде и повсюду. Его имя превращалось в «бренд», «торговую марку» в общественном дискурсе ГДР [23]. Бренд создавался и поддерживался за счет мифологизации вождя, тиражирования его икон, партийной идеологии, вплетения образа Сталина в общественную и частную жизнь. Бренд Сталина стоял на «визитных карточках благополучия» и свидетельствовал одновременно о качестве, характеризовавшемся словами «лучшее», «прогрессивное», «передовое».

Итак, с образом Сталина транслировалась цепочка посланий и символических значений. Имя Сталина кодировало в себе для жителей ГДР мир, единую и самостоятельную Германию, восстановление, благосостояние и процветание. «Где Сталин, там победа!» - красноречиво резюмировал один из лозунгов пропаганды. Бренд «друга немецкого народа» легитимировался в прошлом, настоящем и будущем. Образ Сталина представлял «вождя всех народов» не просто как «государственного руководителя первой социалистической державы», «Ленина наших дней», «одного из организаторов и руководителя Великой Октябрьской социалистической революции», «великого полководца», «борца за мир», «экономиста и ученого», но прежде всего как «лучшего друга немецкого народа» [24].

Лексика «друга» предполагала, в свою очередь, обоюдную помощь, поддержку и доверие. Дружба трактовалась пропагандистами «обязанностью и святой заповедью каждого немецкого патриота» [25]. Подтверждение дружбы и верности вождю мирового пролетариата происходило путем участия населения в массовых, инсценировавшихся государством ритуалах, циклично повторявшихся из года в год. Это был один из продуктивных приемов интеграции социалистического бренда в локальные жизненные миры социальных групп и индивидов.

Образ Сталина как канал коммуникации от народа к власти

Сфера посланий «сверху», конструируемая партией и аппаратом пропаганды, была монолитна. Однако это не означало, что все послания безоговорочно принимались обществом. Более того, послания «сверху» преломлялась через мировосприятия и миропонимания различных социальных групп и поколений, через приписывание собственных значений и смыслов. Возникал многовариантный образ Сталина, который общество пыталось интегрировать в свои жизненные миры. С одной стороны, ему писали стихи и рассказы [26], в его честь исполняли песни и посвящали музыку [27]. С другой, он становился объектом нападок в анекдотах, слухах и сплетнях, обозначаемых в официальной лексике не иначе как «провокационные и вражеские» [28].

Благодаря посланиям «сверху» укреплялась харизма Сталина, наделявшая его в глазах жителей ГДР качествами непогрешимости, исключительности, мудрости и героизма. Народ пытался найти каналы коммуникации, возможности соприкосновения с «великим», преодолевая тем самым личные границы, пропасть между собственным локальным миром индивида и миром идеальных представлений и целей [29]. Таким образом, харизматические характеристики способствовали укреплению веры населения в персону Сталина и провоцировали на поиск каналов установления психического и физического контакта с «гением сегодняшнего дня».

Различные формы коммуникативных актов были организованы СЕПГ по поводу 70-летнего юбилея Сталина. Одной из подобных акций стал сбор среди народа подарков к юбилею «отца народов», отмечавшегося 21 декабря 1949 г. и в ГДР. Подарок рассматривается в данном случае как средство вступления в контакт. Наряду с большим спектром традиционных подарков, таких, как портреты, фотоальбомы, вазы, бюсты, жители Восточной Германии отправили к юбилею презенты, казавшиеся для персоны Сталина экзотическими. Упомянем лишь некоторые из них: «...каменная соль, пять ящиков. От отделения АО «Калий», г. Эрфурт; кастрюля алюминиевая; плуг; дистиллировочный аппарат. От членов Общества германо-советской дружбы г. Шверин; пять кактусов; слон, заводная игрушка. От демократического женского союза Тюрингии; три пудреницы металлические от неизвестного дарителя; фонарик бумажный» [30]. С помощью «подарка» как коммуникативного средства немцы могли пройти ритуал приношения даров на алтарь коммунизма и благодарения «верховного божества» «социалистического олимпа». Символическое действие акта дарения позволяло как отдельному индивиду, так и группе лиц ощутить свою значимость, *соучастие* и *сопричастность* в деле реализации идей и заветов «вождя». Процесс *совместного* творения придавал индивидуальной судьбе человека наиндивидуальный характер участия в реализации «священных целей партии». Индивидуальная судьба сливалась с судьбой великого человека. Тем самым человек преодолевал ограниченность простого обывателя через коммуникацию с харизматическим лидером путем приобретения смыслов существования в общем «вечном бессмертном деле» [31].

Распространенной формой символической коммуникации между восточными немцами и Сталиным являлся институт общественных обязательств. День рождения лидера СССР служил поводом для принятия различных обязательств населением как личной присяги Сталину

добиться неординарных сверхплановых успехов на образовательном, партийном, производственном, личном уровнях. Данный механизм был призван активизировать население на подвиги, провести эмоциональную и физическую мобилизацию в государственных целях. Принятие обязательств трактовалось как личный вклад в общее дело строительства социализма. Индивидуальная жизнь являлась продолжением коллективной. Высшие цели и смыслы интегрировались в жизнь обычного человека.

Социальная практика обязательств охватывала представителей самых разных социальных групп: рабочих и служащих, крестьян, учащихся и интеллигенцию, спортсменов и активистов, бывших военнопленных из СССР и инвалидов, пострадавших во время войны, переселенцев, партийных и беспартийных, матерей и вдов [32]. Каждый гражданин не зависимо от прошлого и своего социального статуса мог сделать что-то полезное в общую копилку победы коммунизма. В основе обещаний лежали личные возможности, желания, интересы и ресурсы (профессиональные, материальные, символические). Одни обещали усердно учить сталинскую конституцию и его произведения, другие – постоянно повышать производительность труда, третьи – отчислять проценты от зарплаты на национальную программу восстановления Берлина и принять практическое участие в работах, четвертые – внедрить советские методы производства и ведения хозяйства, пятые – просто бороться за правду и разоблачать ложь. Общий тон сводился к мысли, что благодаря гению Сталина миллионы людей нашли для себя «новую родину» - Германскую Демократическую Республику. Вместо послевоенного хаоса с «вождем мирового пролетариата» пришел мир. Человек обрел прочные основы существования, «зная, для чего он живет и работает». Постановка четко сформулированных целей «сверху», от лица партии, способствовала структурированию миропонимания. Каждому было место в новом мире добра и всеобщего благоденствия. Практика обя-

зательств открывала возможность почувствовать себя «звеном в большой цепи людей» [33]. На принципе общности судеб выстраивалась идентичность как на внутригосударственном уровне, так и идентичность всего социалистического лагеря. Принятие обязательств имело и моральный аспект, так как являлась «оптимальным», по мнению партии, проявлением самосознательности «нового человека».

Практика обязательств может быть рассмотрена и как метод дифференцирования общества. Принятие обязательств, которые внешне выглядели добровольным дружественным жестом верности идеалам партии и личными ориентирами, являлось в действительности не более чем одной из форм мобилизирующих и дисциплинарных пропагандистских кампаний. Принятие обязательств открывало индивиду, группе лиц доступ к системе привилегий и к возможностям объективировать повышающийся символический капитал в виде продвижения по службе, поступления в университет, получения премии, грамот и знаков отличия, подарков и отпускных путевок и т.п. Таким образом, верность Сталину являлась «входным билетом» в социалистический «рай» и открывала двери к его благам.

Итак, фигура Сталина структурировала общество ГДР на два лагеря. По одну сторону он вызывал чувство воодушевления, энтузиазма и оптимизма. По другую – разочарование и неприятие как своей личности, так и стоящего за ним миропонимания. Биполярные установки сознания и бессознательного порождали либо практики интеграции образа Сталина в собственную жизнь, либо практики его отклонения (например: бегство в западную часть Германии, молчание и т.п.). Общественная сторона жизни диктовала необходимость поклонения фигуре нового «фюрера», чьи слова и действия реально определяли судьбу ГДР, а следовательно, личную судьбу каждого индивида. Коммуникативные акты между символической и реальной персоной Сталина и народом, инициированные пропагандой, способствовали установлению сим-

биотических связей государства и общества. Каждый житель новой Германии с именем Сталина мог найти жизненные смыслы, транслировать собственные потребности, приобщившись к «священной идее» строительства социализма «во вновь приобретенной родине».

Образ Сталина, экспортированный из Советского Союза и обработанный СЕПГ сквозь призму интересов «новой Германии», явился одним из центральных каналов коммуникации между властью и обществом в ГДР. Как персона доверия Сталин способствовал интенсификации данной коммуникации. С точки зрения государственных интересов, персона «вождя» транслировала цепочку значений и смыслов, призванных легитимировать идею строительства социализма на территории Восточной Германии. Созданный пропагандой многоликий образ Сталина был в значительной степени привлекателен для населения, проецировавшего на лидера Советского Союза свои надежды, желания и страхи. Персона «отца народов» предлагала вариант и способ решения актуальных внешне- и внутривосточных проблем. Однако послания «сверху» не привели к созданию монолитного общественного мнения о Сталине. Население ГДР вызвало к жизни многообразные практики отклонения или интеграции образа «вождя социалистического лагеря» в локальные миры, приписывая ему собственные смыслы. Использование образа Сталина как медиума для пропаганды и для общества было нарушено после того, как Хрущев 25 февраля 1956 г. на XX съезде

КПСС произнес доклад «О культуре личности и его последствиях». Руководство ГДР было вынуждено усомниться в ут-

верждении, действительно ли Сталин являлся «лучшим другом немецкого народа».

Примечания

1. Телеграмма ЦК СЕПГ по поводу смерти И.В. Сталина/РГАСПИ. Личный фонд Сталина И.В. 21.XII.1879 г. – 5.III.1953 г. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1489.
2. В данном случае речь идет о двух альтернативных, конкурирующих между собой процессах – советизации и американизации, предлагавших антагонистические стратегии развития для послевоенной Германии либо по советскому (ГДР), либо по американскому (ФРГ) образцу. См. подр.: Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945-1970/Konrad Jarausch; Hannes Siegrist (Hg.) Frankfurt a.M.; New York 1997; Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945-1953)/Michael Lemke (Hg.) – Köln; Weimar; Wien 1999.
3. См. подр.: Gibas, Monika, Die einheitliche öffentliche Meinung. Zur Kampagnenpolitik und Kommunikationspraxis. In: Zwischen Mosaik und Einheit: Zeitschriften in der DDR/Simone Barck; Martina Langermann; Siegfried Lokatis (Hrsg.).- Berlin 1999. S. 540-549.
4. Об основных чертах и особенностях развития новой культурной истории см.: Dinges, Martin, Neue Kulturgeschichte. In: Kompass der Geschichtswissenschaft: Ein Handbuch/hrsg. von J. Eibach und G. Lottes.-Göttingen 2002. S. 179-192.
5. Подробнее об истории пропаганды как культурной истории см.: Gries, Rainer, Propagandageschichte als Kulturgeschichte. Methodische Erwartungen und Erfahrungen. In: Deutschland Archiv 33 (2000) 4. S. 558-570; Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR/Hrsg. von M. Gibas, R. Gries, B. Jakoby, D. Müller. Leipzig 1999; Propaganda. Meinungskampf, Verführung und politische Sinnstiftung (1789-1989)/Hrsg. von Ute Daniel und Wolfram Siemann, Frankfurt a.M. 1994.
6. Satjukow, Silke/Gries, Rainer, Sozialistische Helden: Figuren der Propaganda und Personen des Vertrauens. In: Deutschland Archiv 35 (2002) 5. S. 782-792. Hier S. 788.
7. Satjukow/Gries, „Du sprichst mir Dein Vertrauen aus...“ Ein Vorwort. In: Sozialistische Helden: Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR/Ders. (Hg.). Berlin 2002. S. 9-14. Hier S. 11-12.
8. Der Mensch Stalin-schlicht, einfach und groß. In: Sächsische Zeitung. 21. Dezember 1951// Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR (SAPMO-BArch) DY 132/10277.
9. Ebenda.
10. Ebenda.
11. Stalin – Sonderheft. Die Neue Gesellschaft. Monatszeitschrift für deutsch-sowjetische Freundschaft. Dezember 1949. S. 881.
12. См. напр.: Pase, Martin, Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur. Dresden 1941.
13. Josef Wissarionowitsch Stalin. 1879-1953./Hrsg. vom Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands. 1953. S. 10.
14. См.: Neubert, Harald (Hrsg.), Stalin wollte ein anderes Europa. Moskaus Außenpolitik 1940 bis 1968 und die Folgen. Eine Dokumentation, S. 161-203; Wetting, Gerhard, Die Gründung der DDR vor dem Hintergrund von Stalins Deutschlandpolitik. In: Die DDR in Deutschland: ein Rückblick auf 50 Jahre/Timmermann, Heiner (Hrsg.). Berlin: Duncker und Humboldt, 2001. S. 119-137.
15. Josef Wissarionowitsch Stalin ... S. 11-12.
16. Stoecker, Holger, »Stalin, das ist der Frieden!« - Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die friedenspolitische Propaganda in der DDR. In: Parteiauftrag: Ein neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR/Hrsg. von Dieter Vorsteher, Berlin 1997. S. 395-405.
17. Stalin – Sonderheft ... S. 882.
18. Подробнее о «мифе освобождения» см.: Classen, Christoph, Vom Anfang im Ende: „Befreiung“ im Rundfunk. In: Geschichte als Herrschaftsdiskurs: Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR/Martin Sabrow (Hg.).- Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. S. 87-118. Hier S. 103.
19. См. также: Müller, Doris, »Wir bauen die erste sozialistische Straße Berlins«. Die Stalinallee in der politischen Propaganda im ersten Jahr des »Nationalen Aufbauprogramms Berlin 1952«. In: Parteiauftrag ... S. 369-388.
20. *Neue Berliner Illustrierte* 1953 Nr.4 S. 4-5.
21. Ebenda. Nr. 5 1953.
22. Cp.: Gries, Rainer/Satjukow, Silke, Von Menschen und Übermenschen. Der „Alltag“ und „Außeralltägliche“ der „sozialistischen Helden“. In: Aus Politik und Zeitgeschichte, B 17/2002. S. 39-46.
23. Cp.: Behrenbeck, Sabine, „Der Führer“: Die Einführung eines politischen Markenartikels. In: Diesener, Gerald/Gries, Rainer (Hrsg.), Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert. Darmstadt 1996. S. 51-78.

24. Большинство «ипостасей» Сталина было разработано на заседаниях политбюро ЦКПГ. См.: Losungen des Parteivorstandes der SED zum 70. Geburtstag des Genossen Stalin. Anlage Nr. 6 zum Protokoll Nr. 59 vom 6. Dezember 1949. In: SAPMO-BArch 30/IV 2/2/59. Bl. 32.
25. Stalin – Sonderheft ... S. 886.
26. Begegnungen mit Stalin. Aussagen sowjetischer und deutscher Autoren. Verlag Kultur und Fortschritt. Berlin 1953.
27. Weinert, Erich, Lieder um Stalin. Nachdichtungen aus Dichtungen der Völker der Sowjetunion. Potsdam 1949.
28. См. напр.: SAPMO-BArch DY 30/V/2/5/269, Bl. 295-340.
29. Satjukow, Silke/Gries, Rainer, Zur Konstruktion des „sozialistischen Helden“: Geschichte und Bedeutung. In: Sozialistische Helden: eine Kulturgeschichte ... S. 15-34. Hier S. 31.
30. Списки подарков И.В. Сталину к 70-летию со дня рождения, поступивших от трудящихся стран народной демократии//РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 444. ЛЛ. 45-61.
31. Gries, Rainer/Satjukow, Silke, Von Menschen und Übermenschen. Der „Alltag“ und „Außeralltägliche“ der „sozialistischen Helden“. In: Aus Politik und Zeitgeschichte, B 17/2002. S. 44-46.
32. См.напр.: Lausitzer Rundschau. 21. Dezember 1951. S. 3//SAPMO-BArch, DY 132/10277.
33. Freiheit Nr. 297 21. Dezember 1951. S. 5//SAPMO-BArch, DY 132/10277.